

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.14-17

НЕЗАМЕНИМЫЙ

СТР.20

ПРИЩЕЛЬЦЫ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№16 (201)
АПРЕЛЬ 2024

**Бульварные
Новости**

**ВОТ ТАКОЙ
ВАНЯ КУРСКИЙ**

СТР.4-7

СТР.8-11

**НИ О ЧЕМ
НЕ ЖАЛЕЮ**

НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ

Он ворвался в театральную жизнь быстро и эффектно – стройный, элегантный, харизматичный, ироничный. Стал активным и постоянным персонажем в одной из самых популярных передач советского телевидения – «Кабачок «13 стульев». А еще роли в театре и в кино. И вдруг пропал на много лет. А затем было триумфальное возвращение и в театр, и на экран.

Геннадий Норд

- В январе 1966 года вышел в эфир первый выпуск передачи «Кабачок «13 стульев». Это была очень популярная программа на советском телевидении. Ты там играл пана Пепичека. Кто дал тебе это имя?

- Мы сами себе придумывали имена. Меня в институте мои друзья почему-то называли Пепичек, Пепа, Пепка. И я говорю:

-А давайте я буду Пепичек!

А мне говорят:

- Но это же не польское, это какое-то чешское имя?

- И что? И кто это знает?

Так и пошло - Пепичек.

- Какой был характер у Пепичека?

- Такой же, как у меня: восторженный, немножко придурочный, любвеобильный. Тут же слёзы, тут же задорный смех, тут же любовь, тут же и измена. Всё близко. Вот такой был мой пан Пепичек. Я играл себя.

- Как ты попал на эту программу?

- Тогда никто не знал, что эту программу будут вспоминать через 50 с лишним лет. Всё началось очень обыденно:

- Вова, Вов!

- Чего?

- Тут сценарий принесли какой-то, в кафешке дело происходит.

Взяли какие-то миниатюры. Одну сыграли, другую. Их смонтировали, передача прошла. Понравилось. Сделали вторую.

- Название «Кабачок «13 стульев» очень необычное для советского ТВ. Кто его придумал?

- Вначале названия не было. Просто телетheater, телевизионный театр миниатюр. Потом решили сделать серию из нескольких передач и объявили конкурс на название. Хотя, на самом деле, редакторы передачи уже придумали своё - «Кабачок «13 стульев». И даже кто-то якобы выиграл ящик чешского пива, которое обещали за лучшее название. Это пиво мы сами и распили.

- И пошла передача за передачей. А потом выяснилось, что во время эфира снижалась преступность, по-

требление воды и электричества. Потому что все смотрели «Кабачок».

- Наши девочки стали «звёздами». Они брали костюмы у подружек, сами шили. Учили тексты польских песен, которые пели под фонограмму!

- Иностранные песни - это очень смело для того времени. У тебя были музыкальные номера?

- Один - песня из фильма «Кафе «Ориенталь». В ней три куплета, но я выучил только первый, потому что эту абракадабру я запомнить не мог. И я поворачивался спиной, якобы пел и говорил Мишке Державину, ведущему передачи:

- Миша, там совпадает, не совпадает?

Он говорил:

- Загораживай рот рукой, чтобы совпало.

- Как и где проходили съёмки программы?

- Нам раздавали тексты. В театре собирались парами и репетировали. Потом собирались на сводную репетицию, а уже на телевидении записывались без дублей. Сначала съёмки на Шаболовке проходили в старом телецентре, а потом

в Останкине. Мы очень ответственно относились к делу: всегда знали текст и помогали друг другу.

И у нас был очень мощный лидер - Георгий Васильевич Зелинский, второй режиссёр в Театре сатиры. Он там ничего, по-моему, так и не поставил. А тут ему поручили передачу. Он ушёл из театра на телевидение, работал ведущим режиссёром. У него было прекрасное чувство юмора. Он и создал эту команду.

Потом Марк Захаров ставил несколько передач, и много - Спартак Мишулин. Но основная нагрузка лежала на Георгии Зелинском.

- Ты был очень популярен?

- Да. Отбоя не было от поклонниц. Благодаря «Кабачку «13 стульев» мы стали звёздами. Нас ассоциировали с нашими персонажами, и это очень ограничивало возможности. Нас воспринимали только так: пан Профессор, пани Моника, пан Директор. Я никогда не забуду, как пришёл в кинотеатр. Шёл исторический фильм, и когда показали Петра I на коне, которого играл Рома Ткачук, в зале раздался смех:

- Пан Владек, пан Владек!
Никто не ожидал, что пан Владек ещё и Петром I может быть.

- Почему местом действия была выбрана именно Польша?

- Так было легче раскрывать какие-то сатирические вещи. Например, бухгалтер нечестно работает, разворачивает предприятие. Зачем такое в Советском Союзе? А в Польше - ладно. Лучше это будет не Иван Иванович, а некий пан - пан Директор или бухгалтер пан Вотрубба. Так можно было завуалированно говорить о наших проблемах. Поэтому это и находило у зрителей такой отклик. Там угадывались их начальники, сослуживцы, соседи, родственники.

«Кабачок» очень любил Брежнев, поэтому так долго и прожила передача, хотя там были очень острые вещи. Когда председатель Гостелерадио Сергей Лапин хотел наложить на неё лапу, Леонид Ильич сказал:

- Пусть играют.

- «Кабачок «13 стульев» можно назвать явлением на телевидении?

- Да, безусловно, иначе бы через такое количество лет о ней не вспоминали. В 1980-е годы пытались её возродить, деньги давали, мы что-то даже снимали. Но мы не могли переплюнуть себя тех, более ранних. Проблемы, над которыми шутили в кабачке, уже потеряли актуальность. Выплывали более политизированные и более серьёзные вопросы. Глупо было бы, если бы пани Моника рассуждала на какие-то политические темы. А пан Пепичек обсуждал вопросы глобализации в политике. Время ушло вперёд, а мы сами, наши персонажи и авторы оказались к этому не готовы. Поэтому «Кабачок» и не возобновился.

- У тебя были проблемы из-за того, что ты играешь в театре и снимаешься в «Кабачке»?

- Плучек - главный режиссёр Московского театра сатиры - нас очень не любил. Потому что популярность у нас была такая, что стали ходить не на его спектакли, а на персонажей «Кабачка». На сцену выходили народные артисты, как-будто так и надо, но стоило появиться кому-то из нас - в зале раздавались аплодисменты.

Плучек решил со мной разделиться. К тому же я был очень дружен и даже влюблен в Ольгу Аросеву, которую он на дух не переносил. В итоге я вынужден был уйти. Это была трагедия. Я не мыслил свою жизнь без театра.

Хорошо, что меня пригласили в Театр миниатюр. Он был, конечно, не такого масштаба, но там было много талантливых людей. Там начинали Зяма Высоковский, Володя Высоцкий, Марк Захаров. И я в течение полугода стал ведущим актёром.

- Как случилось, что на пике своей актёрской карьеры ты сел в тюрьму?

- Две трети года мы бывали на гастролях. А у меня был приятель Лёнька Слон, который научил меня собирать старину, иконы. Мы их привозили в Москву. В комиссионный сдали - денежки получили. А ещё, оказывается, этим интересуются иностранцы. Продали иностранцам. Получил валюту. В результате через год за нарушение правил валютных операций я «загрел» на пять лет.

- Ты считаешь, тебя справедливо наказали?

- Конечно, справедливо. Потому что был такой закон. Статья 88-я часть первая. Валютные операции больше \$25. Преступление, за которое можно было получить «пятёрочку». Но я был рискованный парень. Конечно, мне обидно, что я сел. Вроде никого не убил, не изнасиловал, не обманул. Но я же знал, что нарушаю закон.

- Как к тебе относились в тюрьме?

- Моё дело вёл Комитет госбезопасности. Поэтому тюрьма была интеллигентная - Лефортово. Со мной в камере сидел прокурор Красногвардейского района города Москвы, тоже Владимир. Милейший был человек. У него взятка была - телевизор - за замену одному армянину заключения на подписку о невыезде. А тот его и сдал. И телевизор изъяли. Сидел майор КГБ, и тоже Владимир, который был барменом на теплоходе. Его взяли за контрабанду золотых итальянских цепочек. Ой, как они собачились друг с другом! А потом горевали. А потом мы придумали в домино как в преферанс играть. И играли в долг выход на свободу. Высокоинтеллектуальная игра.

С папой и мамой

На отдыхе с мамой Зинаидой Долинской. Рига, 1948 год

- А кличка какая была?

- Артист. Ну, а как ещё?

- Где отбывал наказание?

- Кировская область, город Кирово-Чепецк. 25 километров от Кирова, на реке Вятка. Зона усиленного режима. Потом по двум третям, так как нарушений у меня не было, я пошёл на поселение - деревня Калачиги Верхошижемского района Кировской области.

Я сам написал ходатайство о помиловании. И мой товарищ, замечательный актёр Боря Кумаритов организовал сбор подписей в мою поддержку. Его поддержали и Театр сатиры, и Театр миниатюр. За меня подписались Державин, Ширвиндт, Высоковский, Миронов, Менглет, Папанов. Много было актёров, которые ходатайствовали о моём помиловании. Я отсидел не пять лет, которые мне дали, а четыре года.

- Кто поддерживал тебя в заключении?

- Очень помогали друзья, которые писали мне письма туда. Мама, которая приезжала ко мне. Однажды Татьяна Ивановна Пельтцер, они дружили с мамой, спрашивает у неё:

- Ну, Зинк, была у нашего засранца-то? Мама говорит:

- Была. Таня, ты не представляешь, какой он стал! Я приехала к нему на свидание, смотрю в окно. Его ведут ко мне. И в свете фонаря я вижу, что он стройный, на нём распахнутая телогрейка, широкие плечи, талия узкая. На длинные ресницы падают снежинки. Он пострижен наголо. И какая же у него потрясающая форма черепа!

- Ну, Зинк, ты даёшь! Прямо Бестужев-Рюмин.

- Как отразилась судимость на твоей жизни?

- Хорошо. Такая одиозная биография многих зрителей заинтересовала. Я вынес оттуда очень много. Написал там книгу. У меня много интереснейших историй, баек из той жизни. И смешных, и драматичных, каких угодно. И всё это пошло в зачёт. Ну, и статья была «благородная».

Я очень многому там научился. Я научился терпеть, ждать и догонять. Это очень важно.

Когда я узнал, что Марку Захарову, который меня очень любил, дали свой театр, и там мои товарищи, а я здесь машу ломом на площадке или обтачиваю болванки для насосов, то плакал от обиды. От того, что так бездарно проходит время, а я столько могу, я такую потенцию в себе чувствовал как актёр!

С первых дней в Лефортовском изоляторе твердо решил: так просто я не сдамся. Я поставил перед собой задачу - выйти через дурдом.

- Косил под невменяемого?

- Именно. После бани в камеру давали ножницы с затупленными концами для стрижки ногтей. Сосед подстриг ногти и, разморенный, плюхнулся отдыхать на койку. Настал мой черед. За несколько минут мне удалось, расковыряв кожу на запястье, вскрыть вену. Главная трудность была в том, чтобы не вырубиться раньше времени. Я сдюжил и только после того, как увидел брызнувший из вскрытой вены фонтанчик крови, потерял сознание.

Затем помню злые глазки нашей врачихи Эльзы Кох, как любовно звали ее в тюрьме, и ее шипение:

- У нас это не пролезет, мы и не таких ломали. Хоть сто раз зашьем, инвалидом сделаем, а сдохнуть не дадим!

Еще через день я вышел на прогулку в тапочках на босу ногу. Была ранняя весна, подмораживало. В прогулочном дворике я снял тапки, аккуратно поставил их в уголок и принялся ходить по снежной наледи босиком. Где-то через час пришел дежурный офицер и предъявил постановление начальника изолятора о водворении меня в карцер на десять суток.

Потом подвернулся момент, когда два прапора вели меня по длинному коридору, затем вниз по лестнице, после чего передо мной оказался облицованный кафелем острый выступ стены. Сделав два резких шага вперед, я с размаху ударился темечком о камень.

Когда Эльза Кох обработала мою рассеченную башку, меня приподняли, завели руки за спину и защелкнули наруч-

Выпуск театрального училища имени Щукина. 1966 год

Окончание. Начало на с.9

ники. Затем дежурный офицер с силой резко ударил по цепочке, скрепляющей браслеты, и шипы глубоко впились мне в запястья. Я заорал от боли, страха, беспомощности. Потом бросился на пол и, срывая связки, стал издавать душевраздирающие вопли, при этом вполне расчетливо прикусил изнутри губу и с силой ударился подбородком в грудь так, что зубы клацнули. «Сейчас я их доконаю», - думал я, разбрызгивая по коридору кровавую слюну.

Пять суток я кое-как продержался, последующие двое помню довольно смутно. Не заботясь о радикулите, я сидел в углу карцера на ледяном полу и по-идиотски улыбался: прямо передо мной на противоположной стене шли смешные мультики. Я понимал, что карцер

вряд ли кинофицирован и это, по всей видимости, галлюцинация, но, с другой стороны, какие могут быть глюки, когда я отчетливо вижу забавных человечков и даже слышу их писклявые голоса.

Но прошло десять месяцев, и надежда рухнула картонным домиком. Главный врач, эксперт института Сербского, первая психиатрическая б... страны, академик Лунц вынес вердикт: «По составу преступления - вменяем». И все-таки несколько лет тюрьмы я таким образом отбил.

В Лефортово, где просидел год и 17 дней, пел песни, читал стихи - оказалось, что столько всего знаю! Советские песни, Галича, Вертинского, Высоцкого. Декламировал стихи и думал:

«Вот если бы меня сняли на камеру и увидели, как блестяще я это делаю!»

Перечитал всего Некрасова почему-то. Помню, тревожился о жене - дождется или нет. Я думал, она будет ждать.

- А она?

- Когда меня посадили, она меня и трех дней не ждала, выписала из квартиры, распродала мои вещи. И все пироги...

- А как приходилось отстаивать себя?

- Был случай - на краю смерти. Пересыльная тюрьма в Кировской области. Меня поместили в «отстойник». В нем собрались и опытные уркаганы, и неопытные придурки, вроде меня. Я после Лефортовского изолятора накопил шесть пачек сахара и вез с собой. И тут прошел слух, что в зону сахар не пускают. И я предложил:

- Мужики, может, сейчас и схаваем?

Всего в отстойнике было человек сорок. Я разделил сахар на всех и начал выдавать.

А в отдалении, в закутке, сгруппировалось несколько человек. Было ясно, что они уже скантавались. И вдруг один

из них подошел ко мне:

- Ты что тут, распорядитель?

И неожиданно ударил меня снизу по подбородку, я откинулся назад и ударился головой о стену. Тот отошел.

А я стал думать: иди в зону апаративным нельзя. Все поймут, что я говно, и потом любой вот так же сможет ко мне подойти и сделать что угодно. С другой стороны, у них своя группа - затопчут.

И все-таки я решился. Подошел к тому мужику, взял его за затылок и шмякнул лицом в стену. Снес ему пол-лица. Но хоть бы один человек из его группки пошевелился!

Оклемавшись немного, мужик пошел на меня. Стало ясно: сейчас убьет. Подошел. В руках чайник:

- Земляк, слей мне, ничего не вижу!

Я ответил:

- Продерни к своим, пусть они тебе сливают... Пошел вон!

С Олегом Солюсом, сцена из спектакля Театра сатиры «Баня».

На съёмках передачи «Кабачок "13 стульев"». Пан Пеличек (Владимир Долинский) и пан Владек (Роман Ткачук)

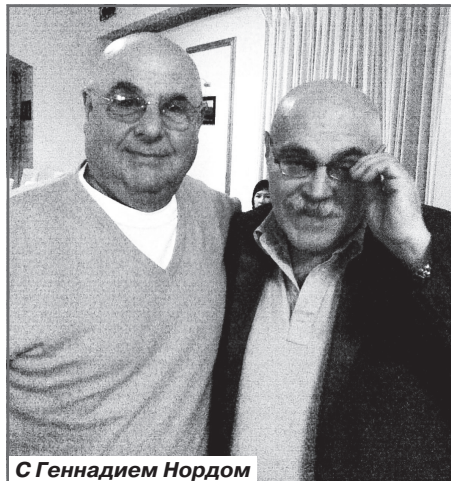
С Ольгой Аросевой

Пан Пепичек в «Кабачке "13 стульев"»

С Александрой Флоринской

С Геннадием Нордом

На съёмках фильма Empire V

- Как и почему ты выбрал профессию актёра?

- Когда к нам приходили гости, мне было лет пять, я говорил:

- Папа с мамой вам кушать не дадут, пока вы мои стихи не послушаете.

Все хотели быть пожарными, милиционерами, учёными. А я не мыслил себя никем другим, только артистом. У меня ещё тетушка была - секретарь дирекции Театра Вахтангова. И мама меня брала ещё в пелёнках, они клали меня на кожаный диван к директору театра Абрикосову, а сами шли смотреть спектакль. В антракте приходили, перепелёвывали, и поскольку я там везде писал, то говорили потом, что у меня первая прописка - в Театре Вахтангова.

Я занимался в драматической студии при Театре Станиславского. И в седьмом или в восьмом классе школы сыграл там одну из первых ролей - какую-то обезьяну в «Таинственном острове». После школы поступил в театральный институт.

- Твой первый профессиональный опыт в театре?

- Это был спектакль «Интервенция» Льва Славина в Театре сатиры к 50-летию советской власти. До сих пор есть в золотом фонде на радио. Это был 1967 год, и я на тот момент был полугода в театре. Мне дали одну из главных ролей - Женю Ксидиаса. Мою маму играла Пельтцер, партнёрами были Менглет, Папанов, Миронов, Мишулин, Селезнёва. И это был мой триумф. Актёрское становление.

- Как случилось, что у тебя не сложилось в Ленкоме?

- В театре не сложилось только по моей вине, потому что я был хулиган и драчун. Вернувшийся из лагеря, с подорванной психикой и лагерной закваской. Я несколько раз набедокурил, и мне пришлось уйти из театра. Хотя Марк меня очень ценил. Ну, так случилось. О чём я многие годы жалел. А потом понял, что у каждого свой путь. Я должен был вылететь из Сатиры, я должен был сесть, я должен был вылететь из Ленкома. Я должен был пройти нелёгкий путь в 1990-е референтом у бизнесмена. Вернуться в театр к Марку Розовскому, чтобы оттуда уйти в антрепризу.

За 20 лет я сыграл в антрепризе более пятидесяти ролей, дал не меньше 500 спектаклей, не один раз объездил всю Россию, много гастролировал за границей. И я очень счастлив и ни о чём не жалею.

Я знаю, что чему-то научился за эту жизнь. Но я всё ещё не могу относиться к себе серьёзно. Жизни не хватит, чтобы научиться быть таким актёром, какими были Смоктуновский, Евстигнеев, Яковлев.

- У тебя было пять браков, и при этом с твоей женой вы вместе уже больше тридцати лет. Как это возможно?

- Нет, не пять браков, а четыре. Потому что один фиктивный. У меня был товарищ, которому надо было из Питера переехать в Москву. Четыре брака у меня были трёхлетние и последний - более тридцати лет с моей женой Наташей.

На съёмках фильма «Мир вашему дому!»

- Как вы познакомились?

- Она - Волкова Наталья Владимировна, русская от корней волос до пяток, работала в еврейском театре, где мы и познакомились. Меня туда на короткое время забросила судьба. Там она меня и приглядела. А я что? Я слабый. Но это, конечно, шутка. Я увидел её и влюбился с первого взгляда. И хорошо живём. Знаешь, как в том анекдоте:

- Сколько лет вы живёте?

- 50 лет.

- И вам никогда не хотелось развестись?

- Убить - да, а развестись - нет.

Так и у нас.

В общем-то, по-настоящему я состоялся в эти годы с Наташей. Особенно когда она подарила мне дочь Полину, которая абсолютно перевернула мою жизнь. Как это ни странно, я оказался хорошим отцом - «хитрым еврейским

папой и сумасшедшей еврейской мамой одновременно».

- Чем занимается дочь?

- Полина - одна из ведущих актрис в Малом театре. Там же играет её муж, прекрасный актёр Дима Марин. Они творческие люди, много и плодотворно работают. И очень хорошо живут.

- Ты хороший человек?

- Я знаю одну вещь: я не подлый, я не подведу, я умею дружить. По-моему, это самое главное.

- Есть сегодня что-то, о чем ты жалеешь?

- Я не жалею ни об одном дне своей жизни. Если бы не было тех четырех страшных лет, этой жены, этого ребенка, моей работы, друзей.

- Дай определение, что есть твоя жизнь сегодня?

- Жизнь бурлит. И дай бог, чтобы бурлила как можно дольше!

Понимаешь, то, что я сделал, было ужасно. Но это был переломный момент: решалась моя судьба. Мне нужно было так поступить. Потом это помогло мне выжить в зоне. Потому что когда я дошел туда, там уже все знали: артист - ништяк.

- Как теперь думаешь, для чего нужен был тот опыт?

- Тюрьма многое во мне изменила. Главное: научила трем вещам, которых не понимал в молодости: ждать, терпеть и догонять. Научился терпеть на пересылках голод, желание сходить в туалет, когда полсуток не ведут. Закалило. Из баловня-мальчишки я стал мужиком.

Но, с другой стороны, это подорвало нервы. Когда освободился, мне все время казалось, что кто-то хочет захватить мой плацдарм. Поэтому был очень агрессивным, особенно когда выпивал.

Владимир Долинский, Наталья Волкова-Долинская (жена), Полина Долинская (дочь), Дмитрий Марин (зять)